

Владимир ШАНИН

Красноярск

Владимир Яковлевич Шанин родился в 1937 году в селе Бирилюссы Красноярского края. Окончил историко-филологический факультет Иркутского госуниверситета и аспирантуру Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС в Москве. Работал в колхозе, леспромхозе, на заводе «Сибтяжмаш», в районных, многотиражных газетах, в альманахе «Енисей», в профсоюзных организациях, служил в армии. Печатался в краевых и областных газетах, в журналах «Молодая

гвардия», «Дальний Восток», «Сибирские огни», в коллективных сборниках. Автор книг прозы «Памятник для матери», «Бел-горюч камень», «От зари до зари», «Горька ягода калинушка», «Куплю дом в деревне...», изданных в Красноярске и Москве, а также романа-исследования «Суриков, или Трилогия страданий» о В. И. Сурикове. Член Союза писателей России.

ВСТРЕЧА

Каждый раз, когда станционный колокол извещал о прибытии поезда, на забрызганной подсолнушной шелухой площадке перрона суетились люди. Семён Семёнович по давнишней привычке разглядывал пассажиров.

Встречающие, как правило, люди нетерпеливые, беспокойные. Эту категорию людей Семён Семёнович уважал: человек, может, всё бросил и побежал на станцию или отпросился с работы и теперь ждёт. Взять, к примеру, вон ту девушку в лёгком ситцевом платье, перехваченном в талии пояском. Кого она встречает? Брата? Жениха? Для жениха слишком молода, совсем девчонка. Однако упорная — третий день приходит. Стоит себе скромно в сторонке, прячась за телеграфный столб, и к груди прижат букетик ромашек.

Начальник станции проходил мимо, косил глазом, вздыхал, а потом не выдержал.

— Не приехал? — спросил он, тронув девушку за плечо.

Она вздрогнула, будто через неё прошёл ток, обернулась. Глаза у неё были большие, испуганные, пухлые губы ещё хранили розовые надкусы.

— Не приехал, дядя.

Семён Семёнович растерялся: как в таких случаях следовало себя вести? Он не любил слёз, и хотя они собирались у корней ресниц, а девушка никак не хотела показывать их незнакомому человеку, слёзы выступили крохотными горошинами — и это тронуло чуткую душу начальника станции.

«Ну и чёрт с ним!» — подумал он, а вслух произнёс ласково:

— Не горюй, дочка, всё уладится. Может, случилось что. И вообще: не приехал — значит, не стоит он того, чтобы так ждать.

— Почему, дяденька? — быстро спросила она.

— Стало быть, не любит. Другую облюбовал.

Девушка открыто посмотрела ему в глаза, будто хотела узнать, что там внутри, в душе, и Семён Семёнович понял: ей совсем не до шуток.

— Ты точно знаешь, каким поездом он приедет? — чтобы сгладить неловкость, спросил он.

Девушка разжала кулачок — на потной ладошке лежала смятая телеграмма. Семён Семёнович расправил тёплый листок и, хмурясь, дочитал до конца. Помолчал, видно, соображая, что предпринять, потом ещё раз перечитал.

— М-да. Обстановочка, так сказать...

И ушёл к себе коротать долгий вечер.

Прошло ещё два дня. Девушка приходила и уходила ни с чем. Семён Семёнович махнул рукой: кто их там разберёт? Чужая жизнь — потёмки. Но, поймав себя на мысли, что не может быть равнодушным, забеспокоился. Вокруг столько людей — интересных, шумливых, как, впрочем, все отъезжающие. У каждого своя судьба, свои заботы, своё прошлое и настоящее — своя жизнь, а Семён Семёнович Грибов видел только её, лёгкую, как бабочка, — того и гляди, сдует ветром под колёса грохочущего мимо состава. Он впрямь начал бояться, что её сдует, и у него холодела спина.

Но однажды место, где обычно стояла девушка, оказалось пустым. Ветер шаловливо играл семечной шелухой, скатывал с края платформы окурки. Те, кому нужно, — уехали, кто встречал — встретил, и станция погрузилась в

полудремотное состояние; только вдали, за насыпью, у берёзовой рощи, пиликала гармошка. У Семёна Семёновича отлегло от сердца: дождалась-таки. Домой он шёл с таким чувством, будто ему нежданно-негаданно повезло в денежно-вещевой лотерее. Жена встретила удивлённой улыбкой:

— Ты сегодня какой-то особенный. Премию получил или отпуск?

— И премию, и отпуск — всё вместе! — весело крикнул он, по-молодому подмигнув и стал умываться.

За ужином, медленно потягивая чай, Семён Семёнович во всех подробностях описывал служебные дела, чего никогда не делал из-за однообразной текучести станционной жизни. Рассказал о девушке, которая умеет ждать, о телеграмме. Жена смотрела на него преданными глазами, молча разделяя с ним радость.

Новый день был, как и все прочие, суетным и беспокойным; может, чуточку лучше оттого, что кто-то кого-то встретил, кто-то куда-то уехал навстречу своей судьбе, кто-то просто уехал, потому что ему очень нужно было. Весело громыхали мимо станции поезда, пассажирские и тяжёлые грузовые, истошно свистя и взвихривая седую пыль. Суетились пассажиры. Мелькали чемоданы, баулы, рюкзаки. Шутили, смеялись и пели люди. В этом было что-то особенное, приятное и непонятное пока.

За окном зала ожидания, в палисаднике, мудро шептали что-то сосны и осыпались белые с жёлтым полевые ромашки. Подле замшелого, растресканного со всех сторон сруба колодца в луже купались сомлевшие воробьи.

Наконец солнце перевалило через сарай, и вспыхнул, зарозовел конёк жестяной крыши, окрашенной суриком, а на травы и на ромашки упала тень, и цветы стали некрасивыми, как белые облезлые куры.

Семён Семёнович поглядывал на часы, высовывался из окна, досадуя на свою почти мальчишескую нетерпеливость. Вот-вот должен подойти поезд, который несколько дней кряду встречала большеглазая девчонка и к которому он, Семён Семёнович, питал теперь некоторое уважение.

Он ждал этот поезд так, будто с ним должна приехать любимая дочка Любочка, вот уже несколько лет жившая с мужем в Иркутске. То ему казалось, что поезд задерживается, то — не придёт вовсе.

Но вот из-за поворота, освещённого заходящим солнцем, выползла ярко-зелёная змейка, всё более увеличиваясь и поблёскивая фарами, и подала голос. Семён Семёнович выскочил на площадку, азартно дёрнул два раза за язык почерневшего от времени колокола и... остолбенел. Знакомая фигурка маячила на старом месте, возле столба, и ветер хватал её за платье. Семёна Семёновича словно кто окатил водой с головы до пят. Сердце тревожно сжалось. Он спустился с крыльца и побежал вперёд, расталкивая людей.

— Ну? — выдохнул он, держась за сердце. — Ещё не приехал?

— Приехал, — пропела она, сияя. — Теперь приехал. Спасибо, дядя.

— За что же это — спасибо?

— А так.

— Стало быть, дождалась. Что хоть случилось-то?

— Обстоятельства задержали, — бойко ответила она. — А теперь он приехал. Во-от!

Поезд плавно остановился. Седьмой вагон оказался как раз напротив, и девушка вытянулась, замерла.

Проводница в форменном костюме первой спрыгнула на перрон, за нею — пассажиры, волнуясь и проталкивая вещи. И когда в тамбуре показался сержант-пограничник в безукоризненно отутюженном мундире, девушка вдруг оттолкнулась и побежала к нему, натываясь на чужие вещи.

— Андрюша! Я здесь, Андрюша!

Семён Семёнович крикнул и, чтобы никто не заметил его волнения, снял фуражку и принялся тереть рукавом и без того блестящий козырёк.